

Дарья Калинина

Убийство в стиле «Хайли лайки»

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

Убийство в стиле «Хайли лайки»

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Убийство в стиле «Хайли лайки» / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2018 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-097467-2

Честно говоря, отправившись с соседом Борисом в пансионат с поэтическим названием «Лазурный», Катя уже двадцать раз пожалела о своем решении. Да что там двадцать, сто двадцать или даже тысячу! Во-первых, погода на побережье оказалась отвратительной. Но погода – это еще полбеды. В конце концов, никто и не ожидал, что весна на побережье Финского залива будет похожа на рай. Хуже всего было то, что сам Борис оказался совсем не таким милым и дружелюбным, каким казался издали. Поссорившись с ним и от души наговорив все, что о нем думает, Катя и не предполагала, что эта ссора приведет к таким последствиям. Вызвав такси и уехав домой, Боря так и не доехал до мамочки. И виноватой сделали, конечно же, Катю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097467-2

© Калинина Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дарья Александровна Калинина

Убийство в стиле «Хайли лайки»

© Калинина Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Катя смотрела на вздымающиеся перед ней снежные торосы и думала о том, что ничего лазурного в этом берегу нету. Ну ничегошеньки! И никогда такого с ней не случалось. А ведь Кате приходилось бывать в этих местах и зимой, и весной, и осенью. И ни разу на ее памяти водная гладь залива не бывала лазурной. В лучшем случае она могла быть зеленоватой. И то при очень хорошем настроении ленинградской природы и отличной погоде в регионе, что само по себе бывало редкостью. А так обычно водичка у них в заливе была грязно-серой или коричневато-бурой. Но чтобы лазурной? Нет, обман один.

Между тем пансионат, в котором отдыхала Катя, именно так и назывался «Лазурный берег». Лазурный! И никак иначе.

И, покосившись на указатель, который уведомлял, что к пансионату надо свернуть направо, Катюша сердито пробормотала:

– Они бы его еще «Зеленый лес» назвали. Ходила я туда! Зеленью там и не пахнет. В лесу все в снегу до сих пор по колено! И что за весна! И что за погода!

Настроение у девушки было гаже некуда. А все потому, что чувствовала Катя за собой некоторую... Нет, не то чтобы вину, но все-таки какое-то скверное чувство разъедало ее душу. И все по вине Бориса. Что он сегодня ей устроил! Как смел на нее орать! Да еще так громко, что слышали все соседи и прибежали спрашивать, что у них происходит и не нужна ли их помощь. Вот уж позор так позор!

Но хуже всего было то, что Катя тоже не сдержалась и сообщила в ответ Борису то, что он дебил и урод. И даже не это было самое плохое, а то, что слова Кати полностью соответствовали истине. Борис и впрямь был дебилем, это и в его медицинской карточке было четко прописано. Ну, и определенные физические недостатки у него в связи с диагнозом тоже присутствовали, был он толстым, маленьким, с короткими ручками и ножками, так что симпатичным его назвать никак было нельзя. Одна лишь его мама считала своего сына красавцем. Другие женщины, в том числе молодые, так совсем не считали. И Борис на Катю обиделся. Ах, как он на нее обиделся! У него даже лицо перекошилось, когда он начал плакать.

Чтобы ему совсем пусто было! Катя не выносила ничьих слез. А уж когда перед ней рыдал взрослый, да что там взрослый, уже пожилой мужчина, которого она должна была опекать, а вместо этого довела... непонятно, до чего она его довела, это было совсем скверно. И Катя сбежала. Да, да! Она повернулась и просто сбежала из опостылевшего ей пансионата на берег залива, надеясь, что свежий воздух ее обдует и унесет прочь ее мрачные мысли.

Но не тут-то было. словно бы заранее зная, что Катя прибежит сегодня утром сюда с такой целью, кто-то нарочно заказал особенно сильный и пронизывающий ветер, накликал мелкий колючий снежок и нагнал на небо побольше туч.

Так что на природе настроение у Кати не только не повысилось, но вроде как даже еще больше упало. Несколько утешала мысль о завтраке, до которого оставались считанные минуты. Может, от еды ей полегчает? Вот только как сидеть с Борисом за одним столом после случившейся между ними размолвки? Ведь он будет на нее дуться. Обязательно будет. Он такой, если обидится, то нескоро еще отойдет. К примеру, на свою маму Борис мог злиться неделями. А на Катю? На Катю сколько времени он станет сердиться?

И все же мысль о завтраке показалась Кате настолько привлекательной, что она не могла против нее устоять. К ее огромному облегчению, Бориса в столовой не оказалось. Его место пустовало все время завтрака. И Кате даже пришлось соврать Гале и Леше – своим соседям по столу, что Боря поленился вставать в такую раню.

– Странно, – не поверил ей Леша. – Обычно это он тебя добудиться не мог.

– Боря у нас ранняя птичка, – подтвердила и Галя. – Не то что ты – соня!

– Говори, что у вас случилось?

И они оба уставились на Катю, словно подозревая ее в чем-то дурном.

– Не знаю я, почему он не пришел.

Кате пришлось отвести глаза, врать она категорически не умела. Настроение, чуть было приподнявшееся после пышного омлета и жареной ветчины, снова упало. К тому же еще предстояло нести Борису его порцию, а для этого требовалось разыскать эмалированные судочки, в которых всегда бывала нехватка. Но Катя решила, что каким бы неблагодарным гадом ни оказался Боря, умереть от голода она ему не позволит. Ни за что!

Вот только все вкусы уже расхватили другие отдыхающие. И вместо омлета Катя положила сваренные вкрутую яйца. А вместо жареной ветчины – молочную кашу.

– Сильно сомневаюсь, что он будет это есть, – сказала она самой себе. – Каша рисовая, он ее терпеть не может.

Но вспомнив, как и какими словами орал на нее Борис, девушка снова вспыхнула:

– А так ему и надо! Будет выпендриваться, пусть голодный сидит до обеда. Хватит мне перед ним выслуживаться. Я ему не прислуга! Если он инвалид, это еще не значит, что я обязана теперь все его выкрутасы терпеть и под его дудку прыгать. Если поискать, у меня самой куча болячек найдется. Это же не значит, что я теперь всеми, кто ко мне добр, должна помыкать.

Честно говоря, отправившись с Борисом в пансионат, Катя уже двадцать раз пожалела о своем решении. Да что там двадцать, сто двадцать или даже тысячу! Во-первых, погода на побережье оказалась отвратительной. Все время дул сильный ветер, к которому иногда для разнообразия присоединялся снег. Совсем не было похоже на апрель, а скорей уж на февраль.

В лесу не наблюдалось никаких проталинок или первых цветочков, как рисовалось до отъезда Кате в ее воображении. Какие там цветочки! Ледяная корка сковывала землю, не позволяя пробиться наружу даже травинке. Но погода – это еще полбеды. В конце концов, никто и не ожидал, что весна на побережье Финского залива будет похожа на рай. Хуже всего было то, что сам Борис оказался совсем не таким милым и дружелюбным, каким казался издали.

Катя прожила с Борисом бок о бок в одном доме и на одном этаже всю свою жизнь, и девушка даже не подозревала, каким капризным и избалованным в быту он может быть. Когда они с ним сталкивались на лестнице или во дворе дома, здороваясь и улыбаясь друг другу, все было очень хорошо, мило и славно. Правда, когда Катя изредка бывала в гостях у Бориса, она видела, как он помыкает своей матерью, как он ей частенько хамит и гоняет ее на посылках, словно она ему девочка на побегушках, впечатление у девушки несколько портилось. Но Катя почему-то наивно полагала, что с ней Борис будет иным. Он и оказался иным, только еще более тираничным и деспотичным.

– И о чем я только думала, когда соглашалась! Надо было сразу же отказаться! Категорически! Что у меня, своих дел нету!

Но в том-то и дело, что никаких своих дел у Кати не было. Она работала экскурсоводом на реках и каналах города. И зимой, когда каналы стояли скованные льдом, работы у Кати не было никакой. И Катю так уговаривали! Так упрашивали. И Борис, и его мама. Сам Борис прикинулся таким лапочкой. А уж его мама, та и вовсе даже слезу пустила.

– Не могу поехать с Бориской, приболела. А одному ему нельзя, не может он один. Ему и путевку на двоих выписали. Съезди, а?

И она так заманчиво описывала прелести весеннего отдыха на заливе, что Катя стала колебаться. И еще ей казалось, что с ней-то Борис так по-хамски себя вести не посмеет. Все-таки она ему чужой человек. Оказалось, ничего подобного. Борис с самого начала взял такой тон, что Катя ему должна. Должна тащить все их чемоданы. Должна стелить постели, свою и его. Должна бегать и договариваться насчет процедур. Должна планировать все их дни и развлечения.

Катя и не возражала. Да, она согласилась поехать в качестве сопровождающей с больным человеком, значит, она должна ему помогать. Но помогать, а не посадить его себе на шею полностью. И не такой уж Борис был и больной, если говорить совсем начистоту. Большая часть его болячек происходила от излишней полноты, а полнота была от пристрастия к сладкому, жирному и, как следствие этого, вкусному.

Нет, Катя не спорила, может, когда-то Борис и был сильно болен. Как говорили соседки в доме, в детстве он перенес операцию, след от которой и сейчас можно было рассмотреть у него на макушке. Когда Борис пребывал в задумчивости, он постоянно почесывал этот старый операционный шрам. И пальцы его тогда словно бы что-то ощупывали под кожей.

– У меня там вшита пластина, – объяснил он Кате. – Она скрепляет кости черепа. Без нее мне был бы каюк.

Но с тех пор прошли годы. Десятки лет. Борис вырос, возмужал, и его болезнь осталась в прошлом. Но он так привык, что с ним все носятся, что никак не хотел отпускать свои болячки. И требовал к себе соответствующего отношения и почтительного внимания ко всем его капризам. Сразу после приезда выяснилось, что Борис считает Катю чем-то вроде своей личной рабыни.

Она должна была сопровождать его всюду, куда он захочет пойти. Должна была развлекать его беседой, чтением, а лучше так игрой на гитаре, которую специально для этой цели было велено захватить из города. Когда Борису становилось скучно, именно Катя должна была искать ему друзей, и желательно женского пола и симпатичной наружности. Таких было немного. А какие и встречались, совсем не собирались любезничать с Борисом. И тогда Катя снова слышала, что она должна... должна... должна.

И вот сегодня утром терпение у Кати лопнуло. Не сразу, конечно. Но когда Борис всего за какую-нибудь четверть часа заставил ее пять раз встать, оно лопнуло. Было раннее утро. Кате так хотелось поспать еще хоть немного. Но Борис был неумолим. Он разбудил Катю, чтобы сначала она открыла ему форточку, потому что душно. Потом почти сразу заставил Катю закрыть форточку, потому что стало холодно. Затем потребовал принести ему воды, которая сначала оказалась с газом, а Борису, оказывается, хотелось без газа.

– Принеси другую! Живо!

Катя сходила за водой без газа и снова легла, надеясь подремать хотя бы еще пару минуток. Как же! Борис не терпел, когда кому-то бывало хорошо.

И поэтому, когда Борис потребовал, чтобы Катя снова открыла ему форточку, она не выдержала и крикнула:

– Сам встань и открой! Достал ты меня!

Наверное, Борис только этого и ждал, потому что он начал орать в ответ очень быстро. И фразы он выстреливал такие хорошо отточенные, словно бы полировал их не один день. Катя слышала все про свою личную жизнь, а вернее, полное ее отсутствие. Узнала, что она закончит свои дни в полном одиночестве, потому что на таких ленивых распустехах мужики не женятся. Узнала она и еще много интересного о своем характере, о чем до сей поры даже и не подозревала. Кое-какие заключения Бориса были похожи на правду, так что Катя обиделась. Ну, а обидевшись, сказала то, что сказала. И теперь уже обиделся Борис.

Ну, а потом Катя сбежала. А теперь не знала, как помириться.

– Привык, что мамочка его по шерстке все время гладит. А я ему не мамочка. И сюсюкать с ним не собираюсь.

Но Катя знала, что это лишь слова. И что на самом деле она будет и дальше сюсюкать с Борисом. Минутная вспышка гнева уже прошла. И, открывая дверь в их номер, Катя здорово робела. Захочет ли Борис принять мир? Нет, вряд ли. Не такой он человек, чтобы так просто сдаться.

Худшие ее подозрения подтвердились. Борис и не собирался ее прощать. Лицо его было мрачным. А глаза сверкали злостью.

– Пойди вызови такси, – процедил он сквозь зубы. – Мы уезжаем!

– А... А как же завтрак?

– Унеси! Я не буду это есть!

Катя растерялась. Вид у Бориса был достаточно решительный. И он даже упаковал чемодан, на котором сейчас и сидел. Видимо, он и впрямь решил уезжать.

– Но как же так? – попыталась уразуметь она случившееся. – До конца путевки осталось еще пять дней. Ты получаешь процедуры. Нельзя вот так без всяких объяснений взять и уехать.

– Я не желаю тут оставаться.

Оставаться тут с тобой! Этого Борис не произнес, но это подразумевалось. Кате и самой не очень-то хотелось оставаться с Борисом. Хуже того, от одной мысли, что ей и дальше придется находиться с ним бок о бок, она приходила в ужас. Но почему он решает за нее? Это ей решать, уезжать или оставаться.

– А я не поеду!

Этого Борис не ожидал. Он даже побледнел от неожиданности.

А потом прошипел:

– Как?! Как ты смеешь мне перечить?

Тоже мне фон барон нашелся. Катя ему так и сказала.

А Борис уже почти визжал от злости:

– Ты не можешь остаться тут без меня! Не имеешь такого права!

И вот странное дело, чем больше Борис злился, тем спокойней чувствовала себя Катя. Да, она останется. И прекрасно проведет без Бориса оставшиеся дни. Хоть отдохнет немного. Честное слово, она это заслужила. Вся поездка была одним сплошным кошмаром, но он сейчас кончится. Ура!

– Почему это я не могу остаться?! – подбоченилась она. – Очень даже могу! Если ты хочешь досрочно прервать свое лечение, дело твое. Но я по какой причине должна уезжать? Сейчас посажу тебя на такси, и гуд бай! Езжай домой к мамочке. Очень даже прекрасно побуду тут без тебя.

Катино настроение, еще недавно подавленное, моментально улучшилось.

– И ты оставайся.

– Не дожدهшься!

Для виду Катя еще какое-то время уговаривала Бориса, главным образом для того, чтобы тот не прочухал, как она рада его отъезду, и не вздумал бы из вредности остаться. С Бориса бы случилось выкинуть такой трюк. Но куда он считал, что отъезд его заставляет Катю так или иначе страдать, он продолжал на нем настаивать.

– Иди и вызови мне такси.

Но в Кате тоже проснулся дух противоречия.

– Не пойду.

– Ах так! Тогда я сам пойду.

И пошел ведь. И вызвал. И все прекрасно у него получилось и ничего не отвалилось. Не такой уж он и дурачок, мелькнула мысль у Кати. И совсем не так уж нуждается в помощи посторонних.

Разумеется, вызов такси она отменила. Узнав об этом, Борис окончательно утвердился в том, что ему надо ехать. Он позвонил матери, наябедничал ей о том, как его обижает злая Катя, и мать поговорила с Катей очень холодно, в приказном порядке велев не чинить сыну препятствий с отъездом.

– А я останусь! – предупредила ее Катя.

– Ну, и оставайся!

Разумеется, ни мать, ни сын всерьез слова Кати не восприняли. У них в голове не укладывалось, как это Катя, путевку которой выдали только на основании того, что она является сопровождающей инвалида, возьмет и оставит этого инвалида без своей помощи. Отправит его домой, а сама останется отдыхать вместо него. Что за безобразие? Где справедливость? Но Катя уже наелась до отвала уходом за Борисом. И к тому же наблюдения за Борисом заставили ее прийти к выводу, что он далеко не так безнадежен, как пытается изобразить.

– И потом, чтобы доехать на такси до дома, много ума не надо. Тут я его посажу. Там его мама встретит. Ничего с ним не случится.

И когда прибыло такси, Катя помогла Борису спустить вниз его вещи, и они попрощались. Очень холодно и отстраненно, как не просто чужие друг другу люди, а еще и люди, друг другу неприятные. Поэтому Катя постаралась свести церемонию прощания к минимуму. И больше смотрела не на Бориса, а на приехавшую за ним машину.

Сказать честно, прибывшее на вызов такси несколько насторожило Катю. Оно не было обычным автомобилем. Это был минивэн, рассчитанный на семь пассажиров. И скажите, зачем было присылать такую машину за одним-единственным Борисом?

Катя оглядела машину внимательней. Ничто в ней не говорило о том, что это именно такси. Разве что на крыше была установлена картонка с рекламой. Картонка выглядела несовсем солидно. И Катя даже подумала, как это с такой жалкой картонкой водитель ездит в дождь, ведь название фирмы выведено обычным фломастером, который от воды должен потечь. Да и сам картон неизбежно размокнет.

Еще странным показался Кате регистрационный номер машины. Что-то было в нем смутно знакомое. Что-то такое, на чем стоило бы задержаться.

Но от этих мыслей Катю отвлек голос Бориса:

– Ну, прощай.

Вид у Бориса был по-прежнему надменный.

– Прощай.

– Итак, ты остаешься?

– Да.

Так как больше Катя ничего не сказала, то Борис сел в машину и уехал с таким видом, словно бы никак не мог поверить в такую невероятную наглость своей рабыни. Как? Она не просто посмела отвергнуть его тиранию, но еще и собиралась воспользоваться им в своих целях!

Но Катя знала свои права. Предварительно она несколько раз уточнила у администраторши, может ли она остаться без Бориса. И та подтвердила, что Катя не просто может, но и должна продолжить отдых, потому что путевка ее оплачена из бюджета, равно как и путевка самого Бориса.

– И у вашего подопечного еще будут в следующем году неприятности. Захочет он снова отдохнуть, а его и спросят, почему он в прошлый раз самовольно прервал курс лечения. Почему он уезжает раньше срока? Вы знаете?

– Мы с ним немного повздорили.

Катя ожидала, что администратор накинется на нее с упреками. Но та заняла совсем другую позицию.

– Ссора – это ему не оправдание! – отрезала женщина. – Ваш подопечный должен понимать, что государство выделило на его лечение средства, которые в противном случае могли пойти на кого-нибудь более сознательного. Это безответственность и неблагодарность, вот что это такое! Капризничать он вздумал! Ну, ему еще объяснят, как растрачивать на свои капризы бюджетные средства!

В общем, Бориса все осудили. А Кате разрешили остаться и даже позволили брать два завтрака, два обеда и два ужина. Это не считая легкого полдника, состоящего из выпечки и какого-нибудь молочного напитка.

– Раз уж за еду все равно заплачено, можете есть.

В итоге весь этот день Катя питалась по-королевски. Леша с Галей уехали на экскурсию, где их должны были покормить. И в распоряжении Кати оказалось сразу четыре первых, четыре вторых и четыре компота. Катя даже растерялась от такого обилия еды. Салата тоже было четыре, и это было хорошо, потому что все салаты были разными. С морепродуктами, а именно креветками. С отварным мясом. Просто из зелени. И так называемый азиатский, состоящий из сладких ломтиков помидора с красным луком, посыпанным щепоткой черного перца и сдобренного оливковым маслом и лимонным соком.

Уложив в себя четыре этих салата, Катюша задумалась. Она любила покушать, что верно, то верно. И знала толк во вкусной еде. Но все-таки четыре порции супа? Как с ними быть? Их бы Катя в одиночку точно не осилила. К счастью, суп они сегодня выбрали все четверо один – грибной. К шампиньонам Катя была равнодушна, так что ограничилась всего парой тарелочек, отдав супницу лишь слегка ополовиненной.

Горячее заставило Катю снова напрячь все свои силы. Телятина на пару. Запеченная рыба. Котлета по-киевски. И макароны по-флотски. К последнему Катя даже не прикоснулась. Макароны у них любил Боря, вот бы и пусть их лопал. А Катя начала со своей котлеты по-киевски и нашла ее просто восхитительной. Из котлеты вытекали прозрачный сок и растопленное сливочное масло, а хрустящая коричневатая корочка так аппетитно крошилась и хрустела на зубах!

Телятина тоже была неплоха, хотя могла быть и помягче. Но зубы у Кати были хорошие, так что с телятиной она тоже справилась почти целиком. Остатки телятины Катя приберегла для своей приятельницы – Лады. Это была большая рыжая собака неопределенной дворовой породы. У нее недавно родились щенки, которые требовали от матери с каждым днем все больше еды. Хозяева же о пропитании Лады особенно не заботились, и Лада побиралась, где и чем могла.

Получалось это у Лады не так чтобы здорово. И была она такой тощей, что сквозь шкуру просвечивали ребра. Ей же Катя решила отдать и макароны по-флотски. С рыбы Катя сняла лишь верхнюю поджаристую корочку из запекшегося сыра с луком, справедливо сочтя, что такая острая пища кормящей матери совсем не нужна. А вот сама треска была вполне постной, хотя и суховатой.

Но Лада нашла рыбу великолепной. Она заглотнула весь кусок одним махом и чуть не задохнулась, пока кусок не прошел у нее по пищеводу до желудка. Макароны Лада смела на одном дыхании, втягивая их в себя, словно хороший пылесос. Ну, а телятину собака доедала, уже не торопясь и смакуя каждый кусочек, каждую жилочку, каждый хрящик.

– Ну как? Сыта?

Лада подняла голову и помахала хвостом. Мол, можно бы и еще, ну да уж ладно.

– Если получится, на ужин еще чего-нибудь принесу. Будь здесь.

Лада пообещала, что будет. Жила она в поселке, охраняя большой частный дом, в котором никто не жил. Вполне возможно, что Лада заняла пустующую во дворе конуру самовольно, потому что дом казался заброшенным и пустым, никаких людей в нем не появлялось, сколько бы раз Катя ни проходила мимо. Она погладила Ладу по острым ушам, и та убежала к своему выводку.

Вернувшись к себе в номер, Катя перестелила белье и с блаженным стоном завалилась на кровать, которую раньше занимал Борис. Как хорошо! Эта кровать стояла более удачно, а Катина прежняя находилась между дверью и окном, и когда они открывали окно, получался сквозняк. Но теперь все это в прошлом. И Борис с его вечными капризами. И сквозняки!

Катя лежала и радовалась тому, что никто не будет ее отныне гонять за водой или свежим воздухом. Отныне она сама себе хозяйка! Как захочет, так и распорядится своим временем. И сейчас самое время подремать. Сытный обед требовалось переварить, ведь впереди был еще полдник. А там, глядишь, и ужин.

Проснувшись, Катя посмотрела на трезвонящий у нее под ухом телефон. Ну, конечно, это Ольга Семеновна, мама Бориса. Наверное, хочет сообщить, что ее чадушко благополучно добралось до дома. Или собирается что-то снова поручить Кате.

– Не буду отвечать, – решила Катя.

И не ответила. Перевернулась на другой бок и собралась еще немного подремать. Но сон уже пропал. И вместо чудных сновидений в голову Кати полезли непрошенные мысли. И были они все какие-то тревожные. А в какую фирму они с Борисом обращались по поводу вызова такси? Этого Катя не помнила. Сначала он вызвал машину, но Катя отменила вызов. И Борис повторил. Но кому он позвонил? Что за фирма такая? Укрепленная на крыше картонка смутно тревожила Катю. На ней было какое-то совершенно незнакомое название. И цифры в номере, по которому предлагалось звонить в службу вызова такси, все были разные. Обычно владельцы фирм по предоставлению услуг населению стремятся запомнить себе легко запоминающийся номер. А тут ничего подобного не наблюдалось.

– Наверное, какая-то совсем маленькая и малоизвестная фирма.

Но тут же Катя вспомнила, что еще ее встревожило. Ни она, ни Борис не заказывали минивэн. Это было и дороже, и не нужно. Зачем три ряда сидений в машине, если пассажир всего один? Тем не менее за Борисом приехал именно минивэн.

– Хотя какая мне разница? Уехал и уехал. Не мне же платить. Наверное, Ольга Семеновна потому и звонила, что не поняла, зачем такой большой автомобиль. Но я тут ни при чем. Борис сам такой вызвал.

После полдника, который весь опять же достался Кате единолично, она еще немного погуляла. И когда ей снова позвонила Ольга Семеновна, девушка на звонок ответила. Не без внутренней робости, но ответила. Даже интересно, какие еще претензии ей придется выслушивать?

Однако голос матери Бориса звучал миролюбиво и даже ласково:

– Добрый вечер, Катюшенька. Как дела?

– Хорошо.

– Я так рада, что вы решили с Бориской помириться.

– Мы и не ссорились.

– Ну да, ну да, конечно, – поспешно поддакнула ей Ольга Семеновна. – Я понимаю. Просто небольшая кошка между вами пробежала.

– Никто особо и не бегал.

– Но ты должна понимать, – продолжала Ольга Семеновна, не слушая Катю, – мой Борюсик – особенный мальчик, ему нужно повышенное внимание и забота.

Борюсик! Мальчик! Хорош Борюсик, которому уже под пятьдесят и который за полвека своей жизни, имея целыми руки и ноги, так и не научился сам заботиться о себе. Но Катя промолчала. Если уж Ольга Семеновна, прожив на свете семь десятков лет, не поняла, что сына воспитывала неправильно, вряд ли Катя за короткие минутки их разговора сумеет что-то изменить.

– И как хорошо, что Боря решил остаться. Я очень рада этому.

Вот тут Катя удивилась уже всерьез:

– Кто?

– Боря!

– Он остался?

– А что тебя удивляет? – засмеялась Ольга Семеновна. – Путевка оплачена. Боря имеет право насладиться отдыхом. И твоя прямая задача помочь ему в этом.

– Мне? – растерялась Катя еще больше. – Но как?

– Это уж ты сама подумай! И помни, ты отдыхаешь за счет Боречки. И не имеешь права там особо расслабляться.

Хорош отдых! Сама бы ты так отдохнула, вот что! Небось не захотела мотаться взад и вперед по поручениям сыночка, спланировала чадущко в чужие руки. Так Катя подумала и тут же устыдилась своих мыслей. Нелегко растить инвалида. И если уж вырастила его таким капризным и избалованным, то и жить с ним тоже нелегко. Конечно, Ольге Семеновне тоже необходима передышка.

Но почему мама Бориса считает, что ее сын продолжает отдыхать в пансионате, когда он уехал отсюда еще в первой половине дня? И снова Катю царапнула неприятная тревога.

Глава 2

Чтобы избавиться от этого чувства, Катя решила позвонить самому Борису. Она набрала его номер, внутренне ожидая, что тот ей не ответит. Все-таки расстались они не очень хорошо. Но Борис ответил.

Голос его звучал весело и оживленно:

– Привет, привет! Решила проверить, как я? А я в полном порядке.

– Ты уже дома?

– Дома... Ну, да, можно сказать и так.

Дома он! Врет и не краснеет!

– А мне звонила твоя мама.

– И что?

– Почему-то она уверена, что мы помирились и ты остался в пансионате. Я сделала вид, что это так и есть, но...

Голос Бориса внезапно сделался серьезным:

– Слушай, Катюха, а можешь и дальше делать вид, будто бы это так?

– Что?

– Ну, притворись, будто бы я никуда из пансионата не уезжал.

– Я что-то не понимаю. Разве ты не дома?

– Дома... Но не у себя.

Не у себя? Вот так номер! А где же он? И Катя почувствовала, как ей внезапно стало трудно дышать. словно бы стальные пальцы сжали ее горло.

– Борис! Боря! Ты что нам устраиваешь?

– Ничего я не устраиваю! Я не поехал домой, потому что... потому что за мной заехали другие люди.

– Какие люди, Боря?

– Ну, не люди, а женщина. Моя подруга.

Катя ахнула:

– У тебя есть подруга?

– Ну да, есть. А что тут такого? Я интересный мужчина в самом расцвете сил. И конечно, на меня обращают внимания многие женщины. Будто бы ты сама этого не замечала.

– Нет. Не замечала. Ни разу.

От потрясения Катя даже забыла, что Бориса нужно опекать и ни в коем случае его не обижать. Она ляпнула и спохватилась. Сейчас Борис обидится, а чего доброго, еще и расплачется. Но у Бориса было слишком хорошее настроение для этого.

– Ну да, конечно! – рассмеялся он. – Не замечала она! Как же! Да ты и сама в меня немножко втюрилась.

– Я?

– Признайся! Ты поэтому и со мной согласилась поехать, потому что ожидала, что я обращу на тебя свое внимание.

Да ни бже мой! Вот что хотела бы сказать Катя, но у нее перехватило дыхание.

А Борис закончил свою мысль:

– Ты, Катюха, еще встретишь своего суженого. Но не меня. Прости, если я обломал твои планы, но у меня другая лежит на сердце. Поэтому еще раз прости и прощай!

И прежде чем Катя успела его заверить, что никаких матримониальных планов на его счет никогда не строила, Борис отключился. Поразмыслив, Катя подумала, что это и к лучшему. Пусть Бориска тешит себя мыслью, что он мечта всех женщин. И стоит ему подмигнуть, как

они тут же прибегут к его ногам и улягутся штабелями. В иллюзиях жить веселее. А уж коли у Бориски обнаружилась реальная дама сердца, пусть воображает себя эдаким Дон Жуаном.

– Но все-таки кого он мог себе найти? И где? И главное, кто мог клюнуть на такого чудака?

Этот вопрос мучил Катю вплоть до самого ужина. На ужине она встретилась с Галей и Лешей, которым и сообщила новость. А для них это вроде как была и не новость.

Подцепляя на кончик вилки кусочек мяса, Галя спокойно осведомилась:

– Значит, уехал он к этой своей Алле?

Катя разинула рот.

– Ты что, знала, что у него кто-то есть?

– Знала. И Леша знал.

– Но откуда?

– Нам сам Борис сказал.

– А мне почему не сказал?

– Так боялся, что ты ревновать будешь.

– Я?!

– Ты же за ним в эту поездку увязалась, чтобы не дать ему к другой уйти. Всеми силами старалась его уговорить, что ты лучшая. Все для этого делала.

– Я?!

– Думаешь, мы слепые и не видели, как ты вокруг него крутилась? Боренька то, Боренька се. Сиди, Боренька, сейчас я сама тебе все принесу.

– Так это потому, что он инвалид. Я с ним поехала, потому что он в присмотре нуждается. Ему в качестве сопровождающего полагается один человек. Мама его из-за болезни поехать не смогла, вот они меня и уговорили.

– Да? А нам Боря другое говорил.

Было заметно, что Галя уже не знает, кому ей верить.

– В общем, Алла эта работает врачом у них в поликлинике. Боря сказал, что он с ней как раз там в поликлинике познакомился. И фотографию нам ее показывал. Интересная девушка. Невысокая, худенькая, немножко на мышонка похожа.

– Зато грудь у нее во!

И Леша сложил руки так, словно держал под мышками по арбузу килограммов так по десять-двенадцать каждый.

– Это силикон, милый, – снисходительно пояснила ему Галя. – У Аллы везде силикон, где можно и где нельзя. И в груди, и в попе, и в губах, и возле глаз, и на лбу, и подо лбом. Одним словом, упадешь на такую, не ударишься. Везде мягко.

– Значит, эта Алла не такая уж страшная?

– Напротив. Интересная девушка.

– Не девушка она уже вовсе, – снова вмешалась Галя, которая, было видно, немного ревновала своего Лешу. – Но очень из себя ничего. И одевается модно. Следит за собой.

– И зачем ей понадобился Боря? Он-то совсем не интересный. И за модой не следит. И вообще... Он даже не работает!

– Может, деньги у него есть? Деньги у людей бывают, даже если они сами и не работают. Наследство, например, получают. Или в лотерею выиграют.

– Ты что! Нету у них никаких денег! Они же мои соседи. Я отлично знаю, что живут они на две свои пенсии. И их им постоянно не хватает. Хотя и тянут мать с сыном, как только могут. Не бедствуют, конечно, в полном смысле этого слова, но и не роскошествуют, уж вы мне поверьте.

– Ну, тогда я не знаю, что эту женщину в Борисе привлекло, – пожала плечами Галина. – Только Алла эта сильно в Бориске заинтересована. Уж любовь у нее там к нему или какой другой интерес, а она ему то и дело названивала.

– Ни разу не слышала.

– Так при тебе он с ней не разговаривал. Не хотел тебя травмировать.

– Думаешь, чего он тебя постоянно гонял то за соком, то за хлебом, то еще куда? Ему надо было от тебя избавиться, когда ему эта Алла звонила. Вот он тебя и отсылал, чтобы без тебя с ней нормально поговорить. Только ты уйдешь, он за телефон и ну с ней ворковать. Как видит, что ты возвращаешься, все, отбой, перезвоню тебе, Аллочка.

У Кати прямо челюсть начала отвисать. Вот уж от кого не ожидала она подобного вероломства, так это от Бориса. Тюфяк тюфяком, а роман невероятной сложности с посторонней у нее под носом закрутил.

– Но зачем все эти сложности? Нет у меня к Борису никаких чувств. И не было никогда! Мы с ним до этой поездки и не ездили никуда. И потом... Если эта Алла так в него влюблена, чего она сама с ним не поехала? В путевку в качестве сопровождающего можно было любое имя вписать. Вписали бы ее, и наслаждались бы они тут вдвоем медовым месяцем.

– Алла работает. Не смогла поехать.

– К тому же у нее и муж, кажется, имеется.

Еще и муж есть! И зачем интересной молодой женщине крутить амуры с совсем неинтересным и даже, прямо сказать, скучным и капризным Борей, имея в активе полноценного супруга? Или супруг тоже какой-нибудь инвалид? Эта Алла небось думает, что, если сложить двух инвалидов, получится один вполне себе ничего муж? И она очень ошибается. Минус на минус в этом случае дает не плюс, а один жирный минус.

И Катя растерянно произнесла:

– Я не понимаю.

– А тут и понимать нечего, – хмыкнул Лешка с ехидцей. – Да-а-а... Профукала ты свое счастье, Катюшка. Забрала Борюсика его Алла. Прикатила за ним на черном минивэне и увезла в страну Влюбляндию. А ты сиди теперь тут да жуй траву, коровушка.

Катя как раз в этот момент пережевывала листья салата, и замечание Лехи показалось ей обидным. Листья салата так и застряли у нее во рту, пока Катя обдумывала, что не так уж она и похожа на корову. Да, некоторый избыточный вес в ней присутствует, но кто сказал, что хорошего человека должно быть мало? Напротив, чем человек толще, тем он добрей. Все язвочки и щербинки у него в душе замазаны булочками с джемом и сливочным маслом.

А вообще, если сравнивать Катю с дамами на картинах того же Кустодиева, то она прямо вылитый эталон красоты. Купчиху с самоваром никто не осмелится назвать жирной коровой. А ведь они с Катей в одной весовой категории. Катя даже постройней той дамы будет. И если Лешка считает ее толстой, то это его личные проблемы. Не собирается Катя худеть и бледнеть кому-то там в угоду. Очень надо!

И она сказала:

– В племенах островов Фиджи худая невеста была обречена на одиночество.

Но противный Лешка оказался неплохо подкован в такого рода вопросах и возразил:

– Это потому, что мужчины в племени рассматривали жировые запасы своей супруги в качестве НЗ – неприкосновенного запаса на самый крайний случай. Наступит в поселке недород, засуха, а вместе с ними и голод, но семья не пропадет, потому что вот тут же у них под боком имеется пышечка – супруга. Одну жену дикари забьют, и вся семья еще месяц сыта будет. А там, глядишь, и дождь пойдет, и новые кокосы вырастут. Им понятно, зачем нужна толстая невеста. А вот ты зачем жиры отращиваешь?

– На этот же случай. Как на вулкане живем. Каждое десятилетие кризис. А ты знаешь поговорку?

– Какую?

– Пока жирный сохнет, тощий сдохнет.

И облизав ложечку от мороженого, которое им подали к ужину, Катя заметила:

– А я собираюсь жить долго.

Лешка как-то от такой народной мудрости приумолк и призадумался. А Катя, собрав остатки ужина, отправилась проведать Ладу. Та уже ждала ее, сидя у дыры в заборе. Собака снова была голодна, словно стая волков. Не только у одной Кати был хороший аппетит.

Но памятуя о неприятном разговоре, произошедшем сегодня у них за столом, Катя спросила у собаки не без зависти:

– И как тебе удастся столько всего есть и оставаться худой?

– Бегаю много.

Катя замерла. Ей показалось или собака ей взаправду ответила? На всякий случай, Катя огляделась по сторонам. Нет, никого рядом нету. Только она и Лада.

И Катя решила продолжить разговор:

– Я вот тоже бегаю. По утрам иногда получается пробежать кружок вокруг дома. И днем по магазинам.

– И не худеешь?

– Нет.

– А ты детей себе заведи. У меня вот их пятеро.

– Ой, у тебя пять щеночков?! – умилилась Катя, прижав руки к груди. – Покажешь?

Но Лада неожиданно рассердилась:

– Каких щеночков? Ты что, на голову больная?

– Нет, здоровая я.

– Нормальные у меня дети, – продолжала Лада. – Два мальчика, три девочки. Показать тебе я только меньшую могу. Старший в училище учится, нет его дома. Средние трое школьники. Балбесы. Кроме колов да двоек ничего в дневнике у них не вижу. Тоже где-то болтаются по сию пору. Нет бы уроки делать, а они шляются по дворам. Ну, а младшая пешком под стол ходит, дома со мной сидит. Если хочешь с ней познакомиться, милости прошу.

В этот момент Лада доела угощение, повиляла хвостом, счастливо вздохнула и полезла в дырку в заборе. Поняв, что ее приглашают войти, Катюша полезла следом.

И тут же услышала:

– Нет, ты реально больная! Куда ты в собачий лаз сунулась? Тут калитка есть!

Оглянувшись, Катя и впрямь увидела калитку.

– Заходи в нее.

Катя послушалась. И, толкнув калитку, нос к носу столкнулась с худощавой высокой женщиной. На вид ей было около пятидесяти, но точный возраст определить было трудно, очень уж выцветшим и каким-то застиранным был у нее вид. И длинное платье, висевшее на ее тощей фигуре, словно на вешалке, тоже было вылинявшим. И платок, прикрывавший волосы. И сами волосы, давно потерявшие первоначальный цвет и шелковистость и сейчас больше всего напоминающие паклю, которой водопроводчики заматывают краны.

– Ну, привет, – произнесла женщина, и Катя с удивлением поняла, что тетка разговаривает с ней голосом Лады. – Я тебя уже несколько раз у соседского дома видела. Ты что там крутишься?

– Собаку кормлю.

– А-а-а...

Лицо женщины вроде как обмякло.

– Тогда пошли, с дочкой тебя познакомлю. Она тоже собаками очень интересуется. Извела меня вконец. Купи и купи ей щенка. А где я денег на такую покупку возьму? Впритык живем.

– Погодите, а как же собака? Тут собака была.

– Соседская? Так она давно к себе убежала. Щенки у нее, недосуг ей по гостям шлаться. Да и не привечаю я ее у себя. Видела, какая она тощая? А между тем жрет страшно много. И я ее подкармливаю, и другие соседи. Все метет. Хоть сухари, хоть манку холодную.

– Аппетит хороший.

– Мне лично ясно, что глисты у собаки. Мне совсем ни к чему, чтобы она своими паразитами детей мне заразила. И так что ни год, то скарлатина, то ветрянка. А уж из соплей мы вообще не вылезает.

– Странно, вроде бы на природе живете.

– И чего?

– Свежий воздух лечит. Многие деньги платят, чтобы у вас тут пожить.

– Это летом у нас хорошо. Летом воздух и впрямь лечит. А еще больше земля-матушка. Всякую болезнь вытягивает. Походишь по ней босичком, и все хвори как рукой снимет. И еще весной, когда совсем земля согреется и потеплеет, классно у нас бывает. Ну, осенью тоже неплохо, покуда дожди проливные не зарядят. Да и зимой красиво, снег везде лежит, искрится, даже глазам больно. На берег выйдешь, простор, благодать! А вот после зимы, покуда травка не полезет, совсем беда. И скучно, и холодно, и грязно. И в саду делать пока еще нечего, и в огороде толком не покопаешься, и в лес не пойдешь. Моя бабушка говорила, что в такую пору из лесу только лихорадки да лихоманки к человеческому жилью лезут и на людей нападают. Бабушка от них заговоры знала, никто в семье не болел никогда. А я, дура, не прислушивалась, что она там бормочет. Глядишь, слушала бы лучше, вылечила бы теперь своих без всяких лекарств. А то врач как пропишет, не знаешь, что и делать. Что ни таблетки, то триста-пятьсот рублей. Две-три штуки купишь, уже тысяча. А много ли этих тысяч у нас?

Катя слушала, из вежливости кивала и совершенно не понимала, что ее заставило сюда зайти. Нюша, с которой ее познакомили, оказалась девочкой милой и тихой, но такой сопливой и так отчаянно громко чихающей, что Катя поспешила убраться из дома назад на улицу. Не хватало ей еще подхватить от Нюши какую-нибудь из этих лихоманок и заболеть.

В доме, во дворе которого жила собака Лада, неожиданно горел свет. Раньше Катя там никого не замечала. И поэтому сейчас заинтересовалась.

– А что ваши соседи? – спросила Катя. – Вроде бы они сейчас дома?

– Я их не знаю совсем. Мне даже кажется, что настоящие соседи там и не живут. Как старый дед Коля помер, так домом его быстро наследники завладели. А кто там теперь появляется, сказать не берусь. То одни люди, то другие. Кто из них новый хозяин, я и не знаю. Может, сам приезжает, может, друзья его бывают. Я к ним стараюсь не лезть, боюсь.

– Почему боитесь? Тоже глисты, как у собаки?

– Да нет, – протянула женщина. – Там пострашнее паразиты будут.

– А что с ними такое?

Катя не удержалась от того, чтобы сунуть нос в чужие дела. Что поделаешь, любопытство появилось на свет раньше самой Кати.

– Не нравятся они мне. Иной раз много их приедет, а сидят себе тихо. Ни песен, ни музыки, ни разговоров громких. И во двор не выходят. И день, бывало, сидят, и два сидят, хоть бы кто из них нос на улицу высунул. Разве нормальные люди так себя ведут? Нет! А эти затаятся себе в доме и сидят. А чего сидят? Чего высиживают? Лада голодная воет, а им и дела никакого до собаки нету. Никто корки хлебной собаке не швырнет. Потом также всей компанией в машину свою загрузятся, и поминай как звали. Подозрительно?

– Да. И часто так они приезжают?

– А по-разному. Бывает, что неделями никто носу не кажет. А случается, что частенько наведываются.

– И всякий раз разные?

– Раньше все разные прикатывали. А теперь вроде как одни и те же. Во всяком случае, машина у них все время одна и та же. Большая такая и темная. И не нравятся они мне. В другой дом двое всего мужиков приедут, а шуму от них, словно от целого класса выпускников на «Алых парусах». Никакого сладу с ними нет. А эти тихо сидят. Тихие – они всегда подозрительные. И опять же собаке от них одни пинки да зуботычины достаются. А чтобы покормить или хотя бы кость ей кинуть, нету такого. Я специально за ними наблюдала, ни одна сволочь собаку не покормит. Разве что летом, когда шашлыки жарили, один раз накормили бедняжку до отвала, костей да хрящей ей целая гора досталась. Но один раз в год плотно поесть, этим не проживешь.

– И сейчас они дома. Пожалуй, и мне пора.

Сопливая Ньюша вышла на крылечко, чтобы проводить гостью. Девочка оказалась ласковой. Она так усердно обнимала и целовала Катю, что совершенно измазала ту своими соплями. И всю дорогу Катя чувствовала, как чешется у нее в носу. Верный признак, что вирус уже попал на слизистую носа. Оказавшись у себя в номере, Катя первым делом промыла нос водой, пофыркала под краном и утешилась.

– Глядишь, и не заболею.

Нос чесаться и впрямь перестал. Катя забралась в свою новую кровать, укрылась одеялом и перед сном для очистки совести девушка позвонила Борису. К сожалению, тот не взял трубку. Но это Катю ничуть не встревожило. Если Борис при ней не хотел разговаривать с Аллой, теперь он не хочет при Алле разговаривать с Катей. Ну и пусть. Не слишком-то и хотелось.

Катя уже засыпала, когда ей позвонила Ольга Семеновна. И голос у нее звучал напряженно:

– Катенька, почему-то не могу дозвониться до Борюсика. Дай его мне на минуточку. Будь так добра.

Все ясно. Ольга Семеновна до сих пор считает, что ее сын находится в пансионате под присмотром Кати.

– Я не могу вам его позвать.

– Почему?

– Он... он вышел.

– Один? Один вышел? И ты его отпустила в столь поздний час одного?

Голос Ольги Семеновны похолодел сразу на несколько градусов. Почему это мой сын разгуливает без присмотра, когда за этим ты и была отправлена в пансионат? И Катя невольно подумала, что очень жалеет будущую жену Бориса, если таковая все же заведется. Упаси бог от свекрови вроде Ольги Семеновны. Живьем сожрет, ни косточек, ни шкурки от бедной невестки не оставит.

– Он ненадолго... Ему надо было...

Катя оказалась в трудной ситуации. С одной стороны, ей совсем не хотелось врать Ольге Семеновне, потому что врать Катя органически не любила. Ей просто плохо делалось как от собственного, так и от чужого вранья. Но с другой стороны, сам Борис просил Катю скрыть на время от матери, что он удрал из пансионата. И Катя понимала почему. Своей неумейной заботой Ольга Семеновна очень даже запросто могла порушить зарождающееся личное счастье своего сына. Стоит Ольге Семеновне пройтись шквалом своей материнской любви по Алле, как женщину просто смоет за борт любовной лодки. В таких отношениях третий всегда лишний, даже если этот третий родная мама.

– Передай Борису, что я жду его звонка.

– Хорошо. Как только увижу его, сразу же передам.

Ну что же, я сказала почти правду, уговаривала саму себя Катя. Тут ей не пришлось сильно кривить душой. И свое слово она обязательно сдержит. Как увидит Бориса, так и пере-

даст ему просьбу матери. Другое дело, что Борис может в пансионате больше не появиться. И увидит его Катя в следующий раз лишь вернувшись домой.

Но пока что Катя домой не собиралась. А собиралась она приятно провести время и отдохнуть. И она даже не подозревала, как сильно ей в этом будут мешать различные обстоятельства. И наверное, умей она заглядывать в будущее, она бы двадцать раз поостереглась давать Ольге Семеновне такие обещания и вообще не стала бы впутываться в эту авантюру. Вместо этого Катя собрала бы свои манатки и умотала куда подальше, чтобы в тиши переждать ту бурю, которая уже на всех парах приближалась к ней.

Глава 3

На ночь Катя свой телефон выключила. Такая у нее была привычка. Но когда она его включила утром, то он буквально взорвался у нее в руках истеричным пиканьем прилетавших одна за другой эсмэсок. И уже в следующую секунду после включения телефон зазвонил.

Разумеется, это была Ольга Семеновна.

– Где Борюсик? – орала она в трубку. – Где мой мальчик? Что у вас там происходит?

– Я только что проснулась.

Но Ольгу Семеновну этот факт интересовал меньше всего.

– Всю ночь вам звоню. У вас обоих выключены телефоны.

– Потому что ночью надо спать.

– Никогда раньше Боря телефон не выключал.

– А тут, значит, выключил.

– Я хочу поговорить с моим сыном!

– Не могу вам в этом помочь.

– Это еще почему?

Катя набрала в легкие побольше воздуха. В конце концов, почему она должна выполнять роль буфера между Борей и его матерью? Скажет правду, и пусть будет, что будет.

И Катя сказала:

– Я не знаю, где он.

– В смысле?

– Он уехал. Мне сказали, что он у какой-то Аллы. Вы ее знаете? Вроде бы она врач в нашей поликлинике.

Последовала продолжительная пауза.

– Алла? Да, я знаю Аллу. И что делает мой сын у этой женщины?

– Лечится, наверное. Узнайте у нее.

– Я так и сделаю.

Катя поплелась на завтрак, но аппетит у нее был плохой. Она с трудом запихнула в себя три круассана и запила его всего двумя чашками кофе. Никогда с Катей такого еще не случилось, чтобы она за завтраком выпила бы меньше трех чашек. А тут не влезло. Потом был омлет с сыром, который Катя еще как-то одолела, но без всякого энтузиазма, просто чтобы совсем уж не ослабеть. А вот почти всю кашу девушка предназначила вечно голодной Ладе.

Но когда Катя дошла до знакомого дома и позвала собаку, никто не вышел.

– Что за новость?! – неприятно удивилась Катя.

Обычно Лада заранее чуюла приближение очередной трапезы и поджидала угощение, стоя на улице и от нетерпения переминаясь с ноги на ногу. А тут такая отличная каша, в которую Катя вбухала несколько кусков отменного сливочного масла, запах от него разносится на метры вокруг, а от Лады ни слуху ни духу.

Пока Катя стояла посреди улицы со своей кашей, ей снова позвонила Ольга Семеновна. И на сей раз она была настроена совсем не миролюбиво.

– Противная девчонка! – закричала она. – И как тебе только не стыдно!

– Что такое?

– Напрасно заставила меня, старуху, бегать к Алле Аркадьевне. Да она и слухом не слышала о том, где сейчас мой Борюсик.

– Вы сходили к Алле?

– Какая она тебе Алла! Врач! Уважаемый человек! Не то что ты, поскакушка-потаскушка!

Слышать такой эпитет в свой адрес было очень неприятно. Катя и раньше чувствовала, что соседка испытывает к ней скрытую неприязнь и терпит присутствие Кати лишь постольку, что это устраивает Борюсика. Чтобы у мальчика, с которым из-за его характера никто не желает знаться, была бы хоть какая-нибудь компания. Но теперь скрываемые раньше чувства женщины прорвались наружу.

И Ольга Семеновна в ультимативной форме потребовала от Кати, чтобы та предоставила ей сына для беседы с ним.

– Я же вам говорю, я не знаю, где он. Еще вчера он уехал. И даже мне не сказал, куда едет. Обманул, что едет домой.

– Мой Боренька не способен на ложь.

– Он приехал домой?

– Нет.

– Вот видите, значит, все-таки обманул.

– Я вижу другое, – мрачно произнесла Ольга Семеновна, – я вижу, что врет тут кто-то другой.

– На меня намекаете?

– Да! На тебя! Борю похитили! И не надейся, мерзкая девчонка, что это сойдет тебе с рук. Я сама приеду и лично разберусь, что там у вас происходит.

Катя немного струсила. Очень уж свирепо прозвучал голос Ольги Семеновны. Но потом девушка вспомнила, что выписка Бориса происходила по всем правилам и с заполнением всех необходимых бланков, на которых Борис в письменной форме неоднократно объявил о своем нежелании оставаться в пансионате. Так что лично к Кате никаких претензий быть не может.

И поэтому ответила как можно любезнее:

– Приезжайте. Будем вас ждать.

Оставив угощение возле той дыры в заборе, где обычно сидела Лада, девушка вернулась в пансионат. И чем ей заняться? До обеда была еще уйма времени. Обычно в эти часы она сопровождала Бориса по тем процедурам, которые были ему выписаны. Самой Кате по ее путевке лечения не полагалось. Так как ей лучше развлечься и занять себя?

Внезапно внимание Кати привлекла к себе небольшая группа, столпившаяся возле входа в их корпус. Заинтересовавшись тем, что бы это такое могло быть, Катя присоединилась к ним.

– И что вы мне там ни говорите, а я уверен, что он не просто исчез! – заявил высокий худощавый дядечка с таким длинным носом, что казалось, он может проткнуть им кого угодно. – Сам он не мог никуда уйти. Ясно, что его похитили!

Катя даже вздрогнула от неожиданности. Ей почему-то подумалось, что речь идет о Бориске. Но нет. Оказалось, что худой дядечка имеет в виду своего собственного подопечного.

– И если эти долдоны в местном отделении полиции этого не понимают, им же хуже! Я просил их принять меры к розыску моего похищенного брата, а они мне заявили, что он сам найдется. Как бы не так! Не найдется он! Уж если пропал, точно не найдется сам. У моего брата редкое заболевание сетчатки глаза. Он почти не видит и совершенно не способен перемещаться в открытом пространстве. Еще в помещении он худо-бедно ориентируется, но уйти... не сказавшись... И потом эта машина... Она буквально преследовала Федора!

– А что за машина?

Это спросила маленькая женщина. Своими быстрыми движениями и блестящими бусинками глаз она напомнила Кате белочку. У нее и волосы были пушистыми и рыженькими. И миниатюрные ручки с проворными пальчиками. Ну, настоящая белочка!

– Я почему спрашиваю, – пояснила белочка, – что за нами с бабушкой тоже ездила одна очень странная машина.

– Черный минивэн?

– Точно! Черная машина. Большая. Сиденья в три ряда. За рулем какой-то смуглый мужчина. Он предлагал подвезти нас с бабушкой. Но что-то меня остановило от того, чтобы принять его предложение. Да и странно. Обычно приходится голосовать и никто не останавливается, а тут вдруг остановился и сам предложил. Мы с бабушкой отказались.

– Это где было? И когда?

– Возле шоссе. Мы с бабушкой вчера возвращались в пансионат к ужину, как вдруг нас обогнала эта машина. И после того, как мы отказались, водитель еще некоторое время ехал рядом, уговаривая не бояться и садиться к нему в машину. Он раз десять повторил, что не обидит нас. Не знаю, как вас, а меня это напугало еще больше. Еще хорошо, что по дороге шли и другие люди. А были бы мы одни... даже страшно представить, что бы он с нами мог сделать! Мог насильно посадить нас в свою машину и увезти!

– Именно это, я уверен, и произошло с Федором, – кивнул длинноносый журавель. – Обычно брат никуда не выходит один. Его и за компанию трудненько бывает уговорить выйти. Брат словно бы боится открытых пространств. И вдруг вчера днем я обнаруживаю, что брата нет со мной рядом.

– А как он исчез?

– Вчера после обеда меня внезапно потянуло в сон. Вообще-то я веду активный образ жизни. И послеобеденный отдых заключается для меня в пешей прогулке. Но в этот раз меня потянуло прилечь. Федор был рядом. Он сказал, что тоже хочет спать и что с удовольствием немного полежит.

Успокоенный такими словами своего брата, мужчина заснул. Каково же было его изумление и шок, что, проснувшись, он не обнаружил в номере своего брата.

– Куда он мог уйти? Я пытался ему позвонить, но он мне не ответил.

Не оказалось Федора и на этаже.

– Администратор внизу сделала мне выговор, сказав, что Федор спустился по лестнице один. А в его состоянии – это может стать причиной травмы. По ее словам, Федор не просто спустился вниз. Он был одет и обут, словно бы для пешей прогулки. На ее вопрос, куда это он собрался, Федор ответил, что его ждет врач.

– Врач? Какой врач?

– Точно не здешний. Я разговаривал сегодня со всеми врачами, с которыми контактировал Федор. Никто из них не признался в том, что это они вызвали Федора. Да и зачем им было так поступать? Федор регулярно является в лечебный корпус на процедуры. С десяти до полудня мы с ним всегда находимся там. Нас всегда можно найти и поговорить. Да никому из врачей не пришло бы и в голову разыскивать Федора где-то в другое время.

– Совершенно верное замечание. Врачи и в свое рабочее время не слишком-то убиваются. Станут они еще после работы за кем-то из пациентов гоняться. Не верю я в такое их усердие.

– Я и не поверил. Скорей всего, это была просто отговорка. Федор придумал эту фразу про врача, чтобы администратор не чинила ему препятствий для выхода из здания. Брату почему-то было позарез нужно оказаться на улице.

– Он вышел, и что?

– Уехал. Я нашел свидетеля, который видел, как Федор садится в черный минивэн. Забраться внутрь ему помогал какой-то смуглый мужчина.

– Брюнет? – переспросила «белочка». – С очень короткой стрижкой?

– Да.

– Это он! – воскликнула «белочка». – Тот самый, что приглашал подвезти нас с бабушкой! Я уверена в этом!

Они с длинноносым стали обсуждать, что же им предпринять дальше. А Катя тихонько отошла в сторону. На душе у нее стало беспокойно. Итак, уже двое пациентов пансионата

«Лазурный берег» исчезли в неизвестном направлении с помощью черного минивэна. Этот Федор и ее Борис. И оба пропали.

– Я точно помню, как Борис забрался в минивэн. Черный! Неужели это была та же самая машина, которая увезла и Федора?

Теперь Катя припоминала, о ком шла речь. Видела она этого слепого и его провожатого. Братья были сильно похожи. Но если внешность старшего брата еще можно было пусть и с натяжкой назвать оригинальной, то пропавший Федор выглядел уже откровенно нехорошо. Он был некрасив, и все тут. Все его черты имели гротескную резкость. Казалось, какой-то неумеха скульптор поработал над этим лицом, вытесав слишком грубые черты и проложив в коже слишком глубокие складки.

Но при этом Федор был очень милым, ласковым и приветливым человеком. Идя рядом со своим братом, он улыбался всем, кто с ним заговаривал, всегда был готов сказать доброе слово в ответ. И чувствовалось, что говорит он это от всего сердца. И поэтому тот внутренний свет, который шел из души слепого, отчасти компенсировал внешность Федора.

– Ясно, что и Борис, и Федор – это вам не красные девушки, чтобы их похищать с определенной целью. И они оба совсем небогаты. Раз уж отдыхают за государственный счет и когда совсем для этого не сезон.

И все же оба мужчины исчезли из «Лазурного берега», ничего не сказав и, хуже того, солгав о том, куда отправляются на самом деле.

Ольга Семеновна прибыла как раз к обеду. Она ворвалась в столовую и словно фурия набросилась на Катю. Схватила девушку за шиворот и вытащила ее из-за стола.

– Жрешь! – закричала она прямо в лицо Кате. – Жируешь!

Катя попыталась отделаться от дамы:

– Позвольте.

– Не позволю! Наедаешь тут себе жиры за счет моего Борюсика! Вон вторую порцию себе взяла. А чья это тарелка? Это тарелка моего сына! Ты себе ее присвоила!

Все в ресторане прекратили жевать и уставились на орущую и топающую ногами Ольгу Семеновну. Но той и дела не было. В своем отчаянии она не желала понимать, в какое некрасивое положение ставит Катю. А может быть, она и нарочно стремилась опозорить девушку, которой доверила своего сына и которая его не уберегла. Очень могло быть, что Ольга Семеновна сейчас мстила Кате. Или что еще более вероятно, Ольге Семеновне просто не было дела до того, что происходит сейчас с Катей.

– Где он? Почему не отвечает на звонки? Куда ты его дела?

– Я... Я не знаю.

– Не верю! Ты знаешь! Где он?! Говори!

И Ольга Семеновна снова накинулась на Катю. При этом двигалась она так неуклюже, что задела стол. Тот зашатался, и некоторые предметы упали на пол и разбились. К счастью, Леша с Галей присутствовали сегодня на обеде. Леха подскочил к женщине и попытался ее успокоить:

– Никто не виноват, что Боря захотел уехать.

– Он уехал не просто так, он уехал к женщине.

– Еще скажите, что к Алле! – фыркнула Ольга Семеновна, но уже значительно тише.

– Так он нам сказал, – подтвердили Галя с Лешей хором. – Алла – его врач из поликлиники.

Неожиданно Ольга Семеновна перестала шуметь и буянить. Она тяжело опустилась на стул и пробормотала:

– Нету его у Аллы! Она про него и думать забыла. Да и с чего ей о Боре помнить? У нее таких пациентов целая поликлиника.

– Разве между ними нету особенных отношений? Борис нам другое говорил.

Ольга Семеновна покачала головой:

– Может, у сына в голове что-то такое и было, но в действительности нет.

– Может быть, есть какая-нибудь другая Алла?

– Какая другая? – Мелькнувшая в глазах Ольги Семеновны надежда тут же угасла, и она пробормотала: – Борис почти нигде и не бывает.

– А концерты? Он же любит музыку и посещает выступления многих авторов-исполнителей.

– Да. Музыку он любит. Катя его иногда брала с собой.

Предчувствуя новый виток обвинений в свой адрес, Катя воскликнула:

– Я не знаю, что это за Алла такая выискалась! Лично я не знакомила Боря с женщиной с таким именем! И на концертах он ни с какими Аллами при мне не знакомился!

Аппетит у Кати пропал совершенно. Она ужасно расстроилась. Еще бы! Такая напраслина! Даже вторая котлета Кате в рот не полезла. Хотя Ольга Семеновна не только отказалась от порции своего сына, но и предложила Кате ее съесть. Кажется, женщина уже и сама стыдилась своего поведения. На протяжении всего обеда мать Бориса была неразговорчива и ограничилась тем, что выпила стакан компота и поклевала немного хлеба.

Но после окончания трапезы она проследовала за Катей по пятам в номер и заискивающе произнесла:

– Катенька, прости меня, дуру старую, пожалуйста.

– Я не сержусь.

– Не знаю, что на меня нашло. Ты всегда была добра к моему Борисочке. Ты должна мне помочь!

Последняя фраза насторожила Катю.

– Я уже помогла вам, когда забыла про свои собственные дела и по вашей просьбе поехала сопровождать вашего сына. И как вы меня отблагодарили? Налетели на меня, накричали, при всех опозорили. Как на нас смотрели! Я теперь просто не знаю, как мне показаться на глаза этим людям.

– Да наплюй ты на них.

– Легко вам говорить. А мне каково?

– Катя, пойми меня. Боря – это мое все! И он пропал! Как бы ты повела себя на моем месте?

– Уж точно не стала бы кидаться на всех подряд!

– Ты послушай лучше, что я придумала.

Катя молчала. Мол, говорите, что хотите, мне все равно.

И Ольга Семеновна принялась излагать свой план:

– Среди моих учеников из прежних выпусков есть несколько человек, которые связали свою жизнь со службой в полиции. Я обзвонила их всех. Все оказались заняты, никто не захотел помочь своей старой учительнице и поискать Борюсика. Но один... Хороший мальчик, зовут его Сережа Петюнин, так вот он согласился нам помочь.

– Нам? – еще больше насторожилась Катя. – И кому это, позвольте спросить, нам?

– Тебе и мне.

– А я тут с какого боку?

– Но ты же взялась опекать Борюсика!

– Ну и?...

– И не справилась со своими обязанностями. Нет, я тебя ни в чем не виню, деточка. Но посмотрим правде в глаза, ты свое задание провалила. Борюсик исчез. И ни ты, ни я даже не знаем, куда он делся.

– Вы так говорите, словно ваш сын – это несмышленный мальчик. А он давно уже взрослый мужчина. И может распоряжаться собой по собственному усмотрению.

Лично для себя Катя сделала вывод, что Борис и впрямь познакомился с какой-то женщиной. Пусть речь шла и не про Аллу-окулиста, а какую-то другую, но где-то Борис с этой своей пассивностью снюхался. И, прекрасно представляя, как может осложнить его жизнь чрезмерно любящая и заботливая мамочка, попросту из-под ее опеки слинял.

И при чем тут Катя?

– В общем, я договорилась с Сережей, он ждет тебя у себя через час.

– Что?

– Через час тебе нужно быть на Петроградской, – повторила Ольга Семеновна, словно бы уже давно заручилась согласием Кати и дальше плясать под ее дудку.

– Вы забыли...

– Забыла спросить твоего согласия? Но ты же поможешь? Ты же не оставишь меня... вот в таком состоянии?

Катя посмотрела на нее и поняла, что выхода у нее нет. Нет, не сможет она оставить Ольгу Семеновну один на один со свалившимся на нее несчастьем. И что за гад этот Борис! Умотал куда-то наслаждаться жизнью и личным счастьем, предоставив Кате разгребать все связанные с этим проблемы.

И все же Катя сознавала, что ей придется разбираться с этим делом. Ну, ничего! Как только она найдет Бориса, он у нее попляшет!

– Через час на Петроградской я никак не смогу быть. У меня нету машины, чтобы так быстро туда добраться.

– Поезжай на такси.

– И денег, чтобы раскатывать туда-обратно на такси, у меня тоже нет.

Но Ольгу Семеновну это не смутило.

– Так и быть, я дам тебе денег на такси. Будем считать это платой за некоторые твои неудобства.

– Погодите вы с такси, я еще не соглашалась никуда ехать.

– Ну, Катенька! Кто же, если не ты?

– Вы! – сделала Катя последнюю попытку уклониться от навязанного ей задания. – Вы сами вполне можете поехать. Так даже лучше будет! Вы мать пропавшего человека. И полицейского этого Петюнина вы знаете. А кто я такая?

– Ну, не совсем уж он и полицейский, – пробормотала Ольга Семеновна.

– А кто?

– Петюнин работал в полиции, но потом ушел в свободное плавание.

– Это как?

– Сейчас он что-то вроде частного детектива. Очень известного! Занимается решением самых разных проблем. В частности, берется за поиск пропавших людей.

– То, что вам и надо, да?

– Мне о Петюнине говорили другие мои ученики. Кому-то он помог найти друга, кому-то даже вернул жену. У него целый бизнес построен именно на поиске пропавших. Так почему бы ему не помочь своей старой учительнице? Тем более что только благодаря мне у Петюнина стоят четверки по русскому языку и литературе. Сколько я с ним возилась! Что же, теперь пришло время отплатить ему за мою заботу.

– Ольга Семеновна, но почему именно я? – взмолилась Катя. – Почему бы вам самой не поехать к этому вашему Петюнину?

– Потому что ты молодая, Катюша. Мне-то самой уже не под силу мотаться по всем этим делам. И сердце шалит. И давление жмет. Вот я уже к вам приехала, а чувствую, все, больше не могу. Голова кружится, перед глазами мушки летают, того и гляди в обморок бухнусь. Не могу я, сил у меня уже нету.

Ольга Семеновна и впрямь выглядела бледно. Под глазами у нее образовались синяки. И дышала она как-то слишком уж часто и мелко, словно бы что-то мешало ей вдохнуть полной грудью. И Кате стало жалко эту пожилую женщину. Пусть Ольга Семеновна повела себя некрасиво, опозорила ее своими воплями на весь пансионат, но кто знает, как бы повела себя Катя, окажись она в такой же ситуации. Пока еще у Кати детей нету. Но если бы были? И пропали?

– Одни мы с Борюсиком на всем белом свете, – неожиданно всхлипнула Ольга Семеновна. – Одни! Случись с ним что, с кем я останусь? Кто мне глаза закроет и в последний путь соберет?

Выяснив, что в материнских чувствах женщины к своему сыну крылось много эгоистического, Катя свое сочувствие несколько поумерила. Но помочь все равно согласилась. А кто бы на ее месте не согласился, видя слезы матери и наблюдая ее плохое самочувствие?

И все же по дороге к детективу Петюнину девушка не могла избавиться от мысли, что вдвоем с рыдающей Ольгой Семеновной дело пошло бы у них и быстрее, и проще. А так детектив может еще и заартачиться. Другим моментом, который порядком озадачил Катю, было то, что офис известного детектива совпадал с номером квартиры в самом обычном жилом доме.

– Неужели он принимает у себя дома?

Катя окончательно убедилась в своих подозрениях, когда оказалось, что дверь нужной ей квартиры ничем не отличалась от всех соседних квартир. Обычная такая отделанная вагонкой дверь, самая что ни есть простецкая. Ни таблички, оповещающей о том, что тут ведет прием частный детектив, причем знаменитый и прославленный, ни других опознавательных знаков не наблюдалось. Вряд ли можно было считать указанием надпись «Сергеа – лох», сделанную чьей-то губной помадой.

Стараясь не думать о том, что детектива зовут Сережей и, значит, надпись в полной мере может относиться именно к нему, Катя нажала на пипочку дверного звонка. Даже если Сережа Петюнин и лох, выбирать все равно не приходится.

– Кто там?

Голос за дверью был женский. И принадлежал он молодой женщине. Катя растерялась еще больше.

– А я к Петюнину.

Дверь тут же открылась. На пороге стояла худенькая блондинка в халате и жевала зеленое яблоко. Окинув Катю цепким взглядом, она не нашла в ней ничего опасного и кивнула:

– Заходи.

Катя шагнула и оказалась в обычной квартире. Да, да, в самой обычной квартире с длинным просторным коридором, от которого во все стороны отходили двери. Никакого намека на то, что тут может находиться офис известного детектива, не было.

– Тебе вторая дверь направо.

– А что, квартира коммунальная?

– Ага. Только весна, и все наши соседи по дачам разъехались. И что им там в такую холодину делать? Но руки в ноги, рассаду в зубы и вперед... На грядки. Капусту в теплицы сеют, петунию, анютины глазки. Говорят, на природе им лучше, чем в четырех стенах. Может, оно и так, я не спорю, только снег ведь еще. Но с другой стороны, нам и лучше. Считаю, мы с Сережей во всей квартире вдвоем живем. Иногда дядя Толя приходит, но это если они с женой попадутся. А так и нет никого.

Все это так не напоминало визит к детективу, который Катя нарисовала, пока ехала на эту встречу, что она даже не знала, как ей себя вести. Несмотря на то что район считался фешенебельным, данная застройка была представлена почти сплошь коммуналками. Живым напоминанием о том, как не должны жить люди. Лишь квартиры в фасадной части жилого здания могли претендовать хоть на какое-то понятие о роскоши.

Тут же длинный коридор был заставлен каким-то барахлом. Старая мебель, эмалированные тазы с облупившейся эмалью, лыжи, вешалки со старой одеждой, которую никто не удосужился убрать в шкафы, потому что и шкафы тоже были забиты.

– Это тебя Серегина училка прислала?

– Да.

– И чего у нее случилось?

– Сын пропал.

Блондинка перестала жевать яблоко и посмотрела на Катю. Вид у нее сделался задумчивым и каким-то растерянным.

– Не возьметесь? – встревожилась Катя, правильно оценив ее взгляд. – Слишком заняты?

– Клиенты нам всегда нужны.

– Тогда в чем дело?

– Обычно к нам обращаются с просьбой должников разыскать. А сын... я даже не знаю.

К этому времени они уже подошли к нужной им двери. И блондинка распахнула перед Катей дверь.

– Петюнин! К тебе!

Детектив оказался симпатичным, в меру упитанным и хорошо воспитанным. Он тут же предложил Кате стул, а блондинке, назвав ее Наташей, велел принести кофе для гостыи. Но та оказалась далеко не такой вышколенной и, заявив, что возиться с варкой кофе не собирается, согласилась принести чашку чая из пакетика. Пока Наташа готовила чай, Катя рассказала все, что знала. И так как знала она немного, то к тому времени, как она получила стакан теплого и чуть сладкого чаю с двумя печеньками, детектив был уже введен ею в курс дела.

Теперь они с Наташей смотрели на свою гостью с одинаковым выражением на лицах. Каким-то жалостливым и виноватым. От этого Кате сделалось не по себе.

И она спросила:

– Вы сможете найти Бориса?

Сергей подумал, переглянулся со своей подругой и ответил:

– Вряд ли.

Катя ощутила разочарование.

– Но почему? Ольга Семеновна сказала, что ваша специализация розыск пропавших людей.

– Должников, так будет точнее. Я ищу конкретных людей, которые задолжали конкретную сумму, и от этой конкретной суммы я получаю конкретный гонорар. А как искать Бориса, я даже не представляю. Он же инвалид, насколько я помню? Никаким бизнесом не занимается?

– Боря нигде не работает.

– И счетов в наших или иностранных банках не имеет.

– Разве что тот, на который ему перечисляют пенсию.

– Это не то! И как его отслеживать?

– С помощью телефона можно попробовать, – предложила Катя, которой очень хотелось, чтобы Петюнин решил бы их проблему. – Я слышала, что с помощью спутника можно засечь любую симку. Даже если телефон выключен, симка все равно подает в эфир сигналы.

– Это не сработает.

– Почему?

– В первую очередь Ольга Семеновна попыталась разыскать Бориса с помощью его телефона. У нее подключена функция «Поиск родственника». Очень удобно, когда речь идет о маленьком ребенке или пожилым человеком с плохой памятью. Выяснить, где находится источник сигнала, не представляет особого труда. Но в нашем случае сигнал не идет. Кто-то позаботился о том, чтобы не просто выключить телефон, но и уничтожить сим-карту.

– И кто?

– Возможно, это сделал сам Борис. А возможно, кто-то другой.

Катя задумалась. Она думала так усердно, что у нее даже мозг заболел. Но результат того стоил.

– А машина! – воскликнула она. – Машина, на которой увезли Боря! Пусть название фирмы было фальшивым, такого сервиса такси, может, вообще не существует, но регистрационные номера машины! Их не подделаешь!

– Почему? Можно и подделать. Хотя риск, конечно, велик. Но ты же их не помнишь?

– Помню!

– Ну да? – удивился Сережа. – Редкий случай.

– Просто мне эта машина с самого начала показалась какой-то неправильной. Не была она похожа на такси. Сейчас все машины обзавелись приличными рекламами, а на этой была приспособлена какая-то кустарщина. Простая картонка, сложенная наподобие треугольной призмы. Я еще подумала, что первый же дождь сведет на нет всю эту «красоту».

– Фальшивое такси?

– Да! И машина была слишком большой, рассчитанной на семерых пассажиров. А Боря уезжал один!

– Диктуй номер машины.

Катя продиктовала и стала ждать результата.

– Так, белый «Ситроен», правильно?

– Нет, – покачала головой Катя. – Черный минивэн.

– Не может быть, – возразил Сережа. – Данный регистрационный номер был выдан гражданину Сипягину.

– Как?!

– Сипягину Глебу Викторовичу, – повторил детектив. – Владельцу белого «Ситроена» две тысячи двенадцатого года выпуска. А ты что так вытаращилась? Тебе этот Сипягин знаком?

Катя была слишком поражена, чтобы врать. И она кивнула:

– Да. Это мой муж.

Петюнин даже присвистнул:

– Интересная петрушка получается!

Детектив откинулся на спинку стула и еще раз внимательно оглядел Катю с головы до пяток.

– А тебе не кажется, что если так, то в первую очередь надо тебе побеседовать с твоим Сипягиным?

На этот раз Катя помотала головой:

– Ни за что!

– Как это? Он увез человека! Инвалида. Без ведома его опекунши. Да твоего мужа посадить могут за это!

– И очень хорошо! Пусть посадят! За решетку! На нары! На кол!

Тон у Кати был настолько кровожадным, что детектив хмыкнул:

– Насколько я понимаю, муж сильно перед тобой провинился?

– Еще как! Скотина несчастная! Урод ползучий!

– Что-то мне подсказывает, что муж уже бывший?

Катя кивнула через силу.

– Все равно надо с ним поговорить.

Катя не ответила. Новость до такой степени поразила ее, что ей даже говорить было трудно. Ей-то казалось, что она давно и прочно выкинула Сипягина из своей жизни, и вот теперь он снова в ней возникает. Здравствуйте, пожалуйста. Можно подумать, звали сюда его.

И все же помимо воли какое-то новое чувство шевелилось в душе у Кати. Все-таки Сипягин вспомнил о ней. Все-таки она ему не совсем безразлична. Понять бы еще, что он хотел

сказать, передав другому человеку свои регистрационные номера для похищения Бориса. Но это уже за гранью возможного. Катя прожила с Сипягиным целых три года, но так и не научилась разбираться в том, что у этого человека творится в его голове. И вот сейчас спустя столько времени после их расставания у Кати появилась возможность прояснить это.

Глава 4

Сипягин жил все в том же доме, какой помнила Катя. Вот только кусты возле дома куда-то исчезли, а вместо них появилась аккуратная дорожка. Зато детская площадка выглядела заметно ушатанной. Но ничего удивительного в этом не было, время идет, и последний раз Катя была тут больше пяти лет назад. Как же давно все это у них было!

Назвав Сипягина мужем, Катя слегка покривила душой. Официально женаты они никогда не были, но все же они жили вместе, вели общее хозяйство, делали какие-то приобретения, имели общие потери. Все делили поровну, и казалось, что все так и будет. А потом Сипягин вдруг заявил, что они с Катей совсем разные люди. Ну, просто совершенно разные! Сипягин сказал, что он это и раньше подозревал, но за три года он в этом окончательно убедился.

А та, которая помогла Сипягину так хорошо в этом убедиться, стояла рядом и сверкала огромными глазами. И Катю попросили с вещами на выход.

По своей воле она никогда бы не вернулась в это место. Хватит с нее еще и тех пятилетней давности переживаний. До сих пор становилось не по себе, когда она вспоминала, как тащилась с вещами под проливным дождем, глотая текущие по лицу слезы вперемешку с льющейся с неба водой. Б-р-р! До сих пор мороз по коже!

– Представляю, как он удивится при виде меня.

Несмотря на причиненную ей боль, все-таки Катя ловила себя на мысли, что ей интересно посмотреть, что случилось с Сипягиным за это время. Во всяком случае, машина у него осталась та же самая. И номер телефона тоже. Кате без труда удалось дозвониться до Сипягина и договориться с ним о встрече. Он велел ей приезжать прямо к нему домой. И когда Катя поднялась на этаж, он уже ждал ее.

Внешний вид бывшего любовника поразил Катю невероятно. Сипягин очень сильно изменился, и не в лучшую сторону. Он обрюзг, облысел и обзавелся новыми морщинами. Но к ее приезду он постарался навести марафет. И даже вырядился в белый махровый халат, надевший им на голое тело. Пузо у него за это время еще больше выросло, и халат еле сходил на пояс.

В руках Сипягин держал бутылку вина и два бокала. Не дожидаясь, пока Катя войдет в квартиру, он уже наполнил оба бокала и сунул один из них Кате:

– За встречу!

От неожиданности Катя даже не смогла возразить. Поднесла бокал к губам и сделала глоток. Совсем неплохое вино. Терпкое и ароматное. Да уж, в алкоголе Сипягин всегда разбирался отменно и денег на него не жалел. Катя сделала еще один глоток и присмотрелась к бывшему жениху. Физиономия у Сипягина была красная, глаза блуждали. И весь его внешний вид говорил о том, что он наспех привел себя в порядок, а до того предавался разгулу. Сам он умыться успел, а вот прибраться в квартире нет. И все тут выдавало длительную попойку. Катя сделала еще глоток, кое-что подсчитала и решила, что это уже не попойка, а скорее всего прямо запой.

– Сколько времени уже пьешь?

– Дня два.

– Врешь, – уличила его Катя. – Не успел бы один за два дня столько выпить.

– А кто тебе сказал, что я один был? Это я сейчас всех разогнал, когда услышал, что ты хочешь меня видеть.

И Сипягин сделал попытку обнять Катю. Та уклонилась. От Сипягина здорово пахло перегаром. Он явно квасил долго и основательно. Не хватало ей еще целоваться с этим пьяным животным в распахнутом на пузе халате.

– После всего того, что ты мне сделал, я вообще не должна была приходить!

– Но ведь пришла! – радостно возразил Сипягин. – Значит, у тебя остались ко мне еще чувства.

– Не обольщайся.

– И у меня тоже! – не слушая ее, шептал Сипягин. – У меня тоже остались!

И Сипягин попытался с новым пылом обнять Катю. Этому помешала бутылка, которая наклонилась и большая часть ее содержимого пролилась на Сипягина и частично на Катю. Сипягин даже внимания не обратил, что его халат окрасился в красный цвет. А вот Катя расстроилась. Вечно с этим Сипягиным так. Как свяжешься, так промокнешь.

– Да отстань ты от меня, пожалуйста, со своими нежностями! – раздраженно произнесла она. – Лучше объясни, как номера с твоей машины оказались у таксиста!

Сипягин вытаращил на нее свои круглые глаза.

– Ты чего, Катюха? Спятила? Какой таксист? Какие номера?

– Ну, так слушай!

Сипягин слушал какое-то время, потом отмахнулся:

– Перепутала ты! Просто похожие номера на той машине были.

– Нет, это твои номера. Ты же знаешь, у меня память на цифры уникальная.

– А в этот раз ты перепутала. Наверное, на симпатичных мальчиков глазела, вот и перепутала.

– Шутишь!

Нежелание Сипягина быть причастным к этой истории Кате было хорошо понятно. Но она от него не отстанет. Ни за что!

– Ты должен понимать, что тебя могут обвинить в похищении человека.

– Да при чем тут я? Даже если предположить, что ты правильно запомнила номер, то все равно я тут ни при чем.

– Как это так? Машина твоя, а ты ни при чем?

– Эту машину я отдал Ленке. Она на ней гоняет. Если она кому и дала номера, так с нее спрос.

– Что за Ленка?

– Была у меня тут одна... Красивая. Только характер дерьмо. Жить с ней все равно что сидеть на пороховой бочке. Не знаешь, когда рванет. А когда рванет, уже поздно бывает. В общем, я от нее избавился.

Ясно, тоже не сошлись характерами, как и с Катей. А на самом деле, Сипягин завел себе другую, а прежнюю визави выставил с вещами на выход.

– И где эта Ленка сейчас?

– Откуда я знаю? Что я, слежу за ней?

– Мне нужны ее данные. Где ее можно найти?

– Не знаю и знать не хочу, – отрезал Сипягин, а потом неожиданно забормотал: – Обидела она меня. Я ей говорю, проваливай. А она в ответ взяла и ушла. И еще машину забрала.

И как это сама Катя не догадалась поступить точно так же! Ведь могла взять машину хотя бы для того, чтобы доехать на ней до дома. Нет, предпочла тащиться пешком. Гордая идиотка! А Ленка эта сразу видно, что молодец. Сообразительная. Он ей – извольте на выход, а она ему – только на вашей машине.

– Давай телефон этой Лены.

– Ага! Счас! И что ты ей скажешь? Небось начнешь рассказывать, что у нас с тобой было?

– Нужно мне очень. Мне нужно выяснить, как номера с твоей машины вдруг оказались на такси.

Сипягину всего-то и нужно было, что продиктовать телефон. Но он вместо этого внезапно ударился в романтические воспоминания.

– А сама ты хоть помнишь, как у нас с тобой все это было?

– Нет, не помню. Телефон Лены своей найди, пожалуйста.

Но Сипягин продолжал:

– Катюша моя! В нашу первую встречу ты была такая хорошенькая. И я был в тебя такой влюбленный!

– Что-то не помню твоей влюбленности.

– Я так тебя любил, – настаивал Сипягин. – А ты взяла и все испортила.

Такого наглого вранья Катя уже не стерпела.

– Я?! – воскликнула она. – Это когда же я все испортила? Может быть, когда ты притащил ту длинноногую лахудру, а мне велел убираться из твоей жизни?

– Это было уже потом, – прошептал Сипягин. – И лишь потому, что я был на тебя обижен.

– За что?

– Ты недостаточно меня любила.

– Я?!

– Не уважала мое мнение. Совсем не заботилась обо мне.

– Да я...

– Сколько раз я просил тебя приготовить нормальный обед, а что ты вместо этого?

– Я и готовила.

Помимо воли в голосе Кати слышалось смущение. Что ни говори, а толика правды в словах Сипягина все же имелась. Кулинарные шедевры как-то не давались Кате. Да что там говорить, ей и просто картошку в мундире никогда не удавалось сварить так, как надо. Либо она у нее оставалась деревянной, либо становилась резиновой, либо разваливалась на части, плавая в неаппетитной мутной жиже.

– Что ты готовила? Покупные котлеты и пельмени. А мне супчика хотелось. Борщичка со сметанкой!

– Так ты меня на борщ променял?

Катя сопротивлялась из последних сил, но уже чувствовала, что проигрывает сражение.

– Борщ тут ни при чем. Дело в отношении. Я все для тебя делал, старался изо всех сил, а ты даже нормальных котлет поленилась для меня сделать.

– Лепила я тебе котлеты. Не часто, но лепила.

– Из покупного фарша!

– Но лепила же!

– А вот Леночка готовила мне котлетки из парной свининки. Специально на рынок моталась за мяском. И курятинку еще туда же в котлетки для сочности добавляла. И лучок жареный. И борщ она умела варить такой, что ложка в нем стояла.

– То-то я и смотрю, что ты знатно закабанел с этой своей Леночкой и ее борщами.

Катя сказала и прикусила язык, ожидая, что Сипягин сейчас пройдет по ее собственным жирным складкам. Сосчитает их все, с него станется. Но Сипягин свой романтический настрой не позволил сбить.

– Если бы ты хотя бы один разочек дала мне понять, что я тебе дорог, хотя бы один раз сварила мне прозрачного бульончика из потрошков да с домашней лапшой, разве я променял бы тебя на какую другую? Эх!

И это «эх!» прозвучало у него до того горько, что Катя прямо оторопела. Неужели Сипягин и впрямь испытывал к ней какие-то чувства, хотя бы отдаленно напоминающие те, о которых он сейчас распространяется. Не может быть! Будь она ему хоть каплю дорога, не выгнал бы он ее тогда ночью в дождь. С вещами, но без зонтика!

– Послушай, Сипягин...

Но мужчина не позволил ей ничего сказать.

– Нет, нет! Я должен побыть один. Мне нужно время... время, чтобы успокоиться.

Закрывая лицо руками, он скрылся в соседней комнате. Плечи его при этом подрагивали. Неужели плачет?

Какое-то время ошеломленная Катя оставалась на месте, а потом ее охватили сомнения. Что-то очень уж картинно вел себя Сипягин. Чтобы этот жиртрест стал рыдать по воспоминаниям пятилетней давности? Он и сейчас переживает не столько за разрыв их отношений, сколько за то, что целых три года ему пришлось просидеть на покупных пельменях. Зря потерянный отрезок жизни! Да сколько бы Сипягин ни выпил, реветь от избытка чувств все равно не станет. Он способен зарыдать только от сырого лука, попавшего ему в глаза.

– Что-то тут не так, – решила Катя и проследовала в том же направлении, что и Сипягин.

Но шуметь она не стала. Двигалась на цыпочках. Ни одна половица у нее под ногой не закричала. И, оказавшись возле двери, Катя стала свидетельницей удивительно занятого разговора. Велев Кате оставаться на месте, Сипягин из другой комнаты позвонил кому-то. И теперь делал этому человеку выговор:

– Женька, скунс ты эдакий, ты во что меня втянул? Ты же говорил, что все пройдет без сучка без задоринки. Так вот она здесь! Да нет! Какая задоринка? Сама Катька ко мне приперлась. Да какая тебе разница, что за Катька? Ты ее не знаешь. Главное, что она про нас знает. Мать одного из инвалидов ее наняла, чтобы разыскать своего сына. Что Катька хочет? А ты как думаешь? Требуется, чтобы я ей объяснил, как номера с моей машины оказались у таксиста. Вот ты мне это и объясни! Что вы там с Ленкой крутите у меня за спиной? Нет, машина-то у нее, это я знаю. Но также я знаю, что Ленка у нас абсолютная дуреха. И ни шагу без твоего ведома сделать не посмеет. Так что ты, Женечка, мне все должен объяснить!

Разговор был очень интересный, Катя с удовольствием послушала бы его и дальше, но, к сожалению, разговор прервал какой-то громкий звон. Похоже, Сипягин уронил стеклянную посуду. Очень много стеклянной посуды. Похоже, перевернул целую горку с хрусталем и фарфором. Катя ожидала, что сейчас раздастся громкий крик возмущения, когда Сипягин будет проклинать за собственную неуклюжесть всех вокруг себя, но только, конечно, не себя любимого. Потом Сипягин позовет на помощь Катю с совком и веником и велит ей собирать осколки. И Катя уже приготовила ему достойный ответ. Слонопотам несчастный! Вот что она ему скажет и отвернется. Пусть сам машет веником.

Но ни первого, ни второго не последовало. Ни ругательств, ни криков о помощи не прозвучало. Сипягин молчал. А это было для него совсем нехарактерно. Катя нажала на ручку двери, но та оказалась запертой.

Тогда она решила подать голос:

– Сипягин! Сипягин, ты там как?

Никакого ответа.

– Сипягин, ты оглох, что ли?

И снова тишина в ответ.

– Сипягин, не пугай меня! У тебя все в порядке?

На сей раз вместо ответа Катя услышала звонок смартфона, доносящийся из комнаты, где был Сипягин. Потом звонок стих, а через несколько секунд мелодия заиграла снова. И Катя поняла, что не она одна, что кто-то еще так же сильно хочет пообщаться с Сипягиным. И точно так же, как и у Кати, у этого человека ничегошеньки не получается.

– Раз ты не хочешь разговаривать, я сейчас уйду! – крикнула Катя, ожидая хоть какой-то реакции Сипягина. – Я уже уйду!

И Катя принялась громко топтать, имитируя ходьбу. Топала она не просто так, а постепенно заглушая шаги, чтобы у противного Сипягина сложилось бы впечатление, что она удаляется от двери. Девушка ждала, что сейчас Сипягин выскочит из комнаты, желая удержать ее. Но он никак не отреагировал. План не сработал. Катя перестала топтать и остановилась. Смартфон Сипягина за стеной зазвонил снова. И Кате внезапно сделалось жутко.

– Что происходит? Сипягин потерял сознание?

Дверь в комнату не представляла серьезной преграды. Это была всего лишь хлипкая межкомнатная дверь, замок на которой играл чисто предупредительную функцию. Вышибить такую дверь ногой могла и девушка. Например, та же Катя.

– Сипягин, – крикнула она, – я даю тебе последнее китайское предупреждение, или я ломаю дверь!

И, выждав несколько секунд, Катя ударила в дверь ногой. Насчет вышибить дверь Катя погорячилась. Это оказалось не так-то просто сделать, но Катя не сдавалась. Она била и била по двери, ожидая, что уж сейчас-то бывший любовник сдастся. Кому же понравится, когда портят ваше имущество? Ни один нормальный человек не будет просто сидеть и ждать, когда сломают дверь, которая стоит денег.

Но Сипягин явно не был нормальным. Или с ним не было нормально. Потому что он вообще не реагировал. И когда Катя в конце концов все же вломилась в комнату, Сипягин лежал на полу и не двигался. Сначала Катя решила, что он сильно ушибся при падении и потерял сознание. Видимо, мужчина обо что-то запнулся и упал. И, уже падая, Сипягин перевернул столик, на котором стояли различные бутылки. Частично они просто упали на пол, частично разбились, и красное вино растеклось по всей комнате.

Вот откуда Катя слышала стеклянный звон. Это разбились бутылки.

– Сипягин, – почему-то понизив голос, прошептала она. – Э-эй?

Ответа не последовало. Тогда Катя осторожно протянула руку и потрясла Сипягина по плечу. Халат, еще мгновение назад бывший белым, немедленно стал мокрым, пропитавшись красным вином, которое растеклось у Сипягина по всему телу. Это откуда же столько вина взялось? И какого странного цвета это вино! Оно похоже скорее на кровь, чем на виноградный сок. И липкое как кровь. И пахнет... пахнет тоже как кровь.

Внезапно Кате стало дурно. Она даже подумала, что может упасть в обморок, но нет, обошлось. Судорожно сглотнув, Катя прогнала подступивший к горлу комок и попыталась собрать в кучку разбегающиеся в разные стороны мысли. Их было много, но все какие-то панические. Сипягин лежит на полу, он не двигается, он весь в крови.

– Определенно это не вино, а кровь. Или кровь и вино. Но крови тут больше. Неужели он так сильно порезался?

Оглядевшись в поисках предмета для перевязки, Катя увидела еще один беспорядок в комнате. В верхнем правом углу оконного стеклопакета образовалась сеточка трещин, в центре которой зияло отверстие. Это было аккуратное маленькое отверстие. И появилось оно тут недавно. Вряд ли Сипягин потерпел бы дырку у себя в окне. Он тут же вызвал бы мастера, чтобы заменить стеклопакет. А до тех пор дырку бы чем-нибудь заклеил.

Катя подошла ближе к стеклу, поднялась на носочки и как можно внимательней осмотрела дырочку. Из нее дул прохладный воздух. И Катя окончательно убедилась, что дырка появилась в стекле совсем недавно. Она повернулась к Сипягину и только сейчас обнаружила, что его голова выглядит как-то странно. Форма ее видоизменилась. Из приятно гладкой и округлой она стала какой-то угловатой. Что это с ней такое?

Подойдя ближе, Катя положила руку на затылок своего бывшего возлюбленного. Какие же мягкие у него волосы. Как пружинят они у нее под рукой. Но минуточку! Это совсем не волосы пружинят. Это сама кость стала податливой! Черепная коробка утратила былую твердость и теперь свободно ходила взад и вперед. Да она раскололась на части, которые оставались скрепленными между собой лишь с помощью лоскутков кожи. Местами кожа прорвалась, местами была цела и кое-как удерживала кости черепа вместе.

Катя еще разок надавила пальцем и окончательно убедилась, что черепная коробка бедного Сипягина развалилась на части. И части эти теперь свободно двигаются, совсем независимо одна от другой. Ясно, что выжить вот так с кусками черепа не мог ни один человек. Сипя-

гин был мертв. И не просто мертв, он был убит. Убит пулей, прилетевшей извне и разнесшей ему череп.

– А-а-а-а!

Издав этот вопль, Катя шарахнулась прочь. Она за что-то запнулась, упала и дальше отползала уже задом наперед, опираясь на руки, а ногами отталкиваясь и стремясь оказаться как можно дальше от Сипягина. Потом она перевернулась, но не встала на ноги, а прямо на четвереньках побежала в ванную. Почему она так сделала? Почему она не поднялась? Все дело в том, что Кате было так страшно, как еще никогда в жизни не бывало.

Убившая Сипягина пуля прилетела из окна. Она разбила окно и попала в Сипягина. И Кате совсем не хотелось, чтобы следующая пуля разнесла бы на кусочки ее собственную черепушку. В ванной Кате показалось достаточно безопасно. Четыре стены окружали ее со всех сторон. Никаких окон, через которые могла прилететь к ней смерть, тут не наблюдалось. И все равно Катю трясло и колотило.

– Ой-ой-ёй! – тихонько поскуливала она, намывая под краном руки, которые оставались противно липкими.

Вода с них текла сначала красная, потом сделалась розовой, а потом наконец превратилась в прозрачную. Но Катя продолжала судорожно намыливать руки до тех пор, пока они у нее не покраснели и не распухли от горячей воды. Только после этого она вытерла их полотенцем и стала думать, что же ей делать дальше. Было ясно, что от Сипягина в ее расследовании больше не будет толку. Он умер. Убит. И уже ничего и никогда Сипягин не сможет рассказать про ту Лену, которой доверил свой белый «Ситроен». А между тем эта Лена являлась связующим звеном между Сипягиным и еще кем-то, кто руководил девушкой. Именно с этим человеком и говорил Сипягин за секунду до смерти.

– С кем он там говорил перед тем, как в него выстрелили? Я должна это узнать!

И Катя приняла решение вернуться к трупу и попытаться найти смартфон убитого Сипягина. Именно с него был сделан тот роковой звонок. И значит, в памяти смартфона должен был остаться номер того Женьки, которого Сипягин упрекал в двуличии.

– Да, смартфон мне нужен позарез.

Но одно дело – принять такое решение, и совсем другое – исполнить его. Дважды Катя предпринимала попытку выйти из ванной комнаты, и дважды она возвращалась назад. Страх был таким сильным, что девушка никак не могла его пересилить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.